

В. МАЯКОВСКИЙ

ВЛАДИМИР

ИЛЬИЧ

ЛЕНИН

ДЕТИЗДАТ
МН ВЛКСМ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В. МАЯКОВСКИЙ

M-392

ВЛАДИМИР

ИЛЬИЧ

ЛЕНИН

Поэма

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1939 Ленинград

Российской Коммунистической партии
посвящаю

28944 195-58г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

686023 Кх.редк

Российская государственная
детская библиотека

Время —
 начинаю
 про Ленина рассказ.
Но не потому,
 что горя
 нету более,
время
 потому,
 что резкая тоска
стала ясною,
 осознанною болью.
Время,
 снова
 ленинские лозунги развихрь.
Нам ли
 растекаться
 слезной лужею?
Ленин
 и теперь
 живее всех живых.
Наше знание —
 сила
 и оружие.

Люди — лодки.
 Хотя и на суше..
 Проживешь свое
 пока,
 много всяких
 грязных ракушек
 налипает
 нам
 на бока.
 А потом,
 пробивши
 бурю разозленную,
 сядешь,
 чтобы солнца-близ,
 и счищаешь
 водорослей
 бороду зеленую
 и медуз малиновую слизь.
 Я
 себя
 под Лениным чищу,
 чтобы плыть
 в революцию дальше.
 Я боюсь
 этих строчек тысячи,
 как мальчишкой
 боишься фальши.
 Рассияют головою венчик,
 я тревожусь,
 не закрыли чтоб
 настоящий,
 мудрый,
 человечий,
 ленинский
 огромный лоб.
 Я боюсь,
 чтоб шествия
 и мавзолеи,

поклонений
установленный статут,
не залили б
приторным елеем
ленинскую
простоту.
За него дрожу,
как за зеницу глаза,
чтоб конфетной
не был
красотой оболган.
Голосует сердце —
я писать обязан
по мандату долга.

Вся Москва.
Промерзшая земля
дрожит от гуда.
Над кострами
обмороженные с ночи.
Что он сделал?
Кто он
и откуда?
Почему
ему
такая почесть?

Слово за словом
из памяти таская,
не скажу
ни одному —
на место сядь.

Как бедна
у мира
слова мастерская!

Подходящее
откуда взять?

У нас
семь дней,
у нас
часов — двенадцать.

Не прожить
себя длинней.

Смерть
не умеет извиняться.

Если ж
с часами плохо,

мала
календарная мера,
мы говорим —

«эпоха»,
мы говорим —
«эра».

Мы
спим
ночь.

Днем
совершаем поступки.

Любим
свою толочь

воду
в своей ступке.

А если
за всех смог
направлять
потоки явлений,

мы говорим —
 «пророк»,
мы говорим —
 «гений».
У нас
 претензий нет,
не зовут —
 мы и не лезем;
нравимся
 своей жене,
и то
 довольны до-нёльзя.
Если ж
 телом и духом слит
прет
 на нас непохожий,
шпилим —
 «царственный вид»,
удивляемся —
 «дар божий».
Скажут так, —
 и вышло
 ни умно, ни глупо.
Повисят слова
 и ушлывут, как дýмы.
Ничего
 не выколупишь
 из таких скорлупок.
Ни рукам,
 ни голове не ощутимы.
Как же
 Ленина
 таким аршином мерить!
Ведь глазами
 видел
 каждый всяк —
«эра» эта
 проходила в двери,
даже
 головой
 не задевая о косяк.

Неужели
 про Ленина тоже:
«вождь
 милостью божьей»?
Если б
 был он
 царствен и божествен,
я б
 от ярости
 себя не поберег,
я бы
 стал бы
 в перекоре шествий,
поклонениям
 и толпам поперек.
Но тверды
 шаги Дзержинского
 у гроба.
Нынче бы
 могла
 с постов сойти Чека.
Сквозь миллионы глаз,
 и у меня
 сквозь оба,
лишь сосульки слез,
 примерзшие
 к щекам.
Богу
 почести казенные
 не новость.
Нет!
 Сегодня
 настоящей болью,
 сердце, холодей.
Мы
 хороним
 самого земного
изо всех
 прошедших
 по земле людей.

Он земной,
но не из тех,
кто глазом
упирается
в свое корыто.
Землю
всю
охватывая разом,
видел
то,
что временем закрыто.
Он, как вы
и я,
совсем такой же,
только,
может быть,
у самых глаз
мысли
больше нашего
морщият кожей,
да насмешливей
и тверже губы,
чем у нас.
Не сатрапья твердость,
триумфаторской коляской
мнущая
тебя,
подергивая вожжи.
Он
к товарищу
милел
людскою лаской.
Он
к врагу
вставал
железа тверже.
Знал он
слабости
знакомые у нас,
как и мы —
перемогал болезни.

Скажем,
мне — бильярд —
шахматы ему —
они вождям
отращиваю глаз,
полезней.

И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведа
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей — человечьей диктатурой
над тюремной
капиталовой турбой.

И ему
и нам
одно и то же дорого.

Отчего ж,
стоящий
от него поодаль,
я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыханье
отдал?

Да не я один!
Да что я
лучше, что ли?

Даже не позвать,
раскрыть бы только рот —
кто из вас
из сёл,
из кожи вон,
из штолен
не шагнет вперед?!

В качке —
будто бы хватил
вина и горя лишку —

инстинктивно
хоронюсь
трамвайной сети.
Кто
сейчас
оплакал бы
мою смертишку
в трауре
вот этой
безграничной смерти!
Со знамёнами идут
и так.
Похоже —
стала
вновь
Россия кочевой.
И Колонный зал
дрожит,
насквозь прохóбжен.
Почему?
Зачем
и отчего?
Телеграф
охрип
от траурного гуда.
Слёзы снега
с флажких
покрасневших век.
Что он сделал?
Кто он
и откуда —
этот
самый человечный человек?
Коротка
и до последних мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова. —

Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново.
Далеко давным,
годов за двести
первые
про Ленина
восходят вести.
Слышите —
железный и лужоный,
прорезая
древние века, —
голос
прадеда
Бромлея и Гужона —
первого паровика?
Капитал
его величество,
некоронованный,
невенчанный,
объявляет
покорённой
силу деревенщины.
Город грабил,
грёб,
грабастал,
глыбил
пуза кассе,
а у станков
худой и горбастый
встал
рабочий класс.
И уже
грозил,
взвивая трубы за небо:
— Нами
к золоту
пути мостите.
Мы родим,
пошлем,
придет когда-нибудь

человек —
борец,
каратель,
мститель!

И уже
смешались
облака и дымы,
будто
рядовые
одного полка.

Небеса
становятся двойными,
дымы
забывают облака.

Товары
растут,
меж нищими высясь.

Директор,
лысый чорт,
пощелкал счетами,
буркнул:
«Кризис!» —

и вывесил слово:
«Расчет».

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

В дополнение к объявлению моему от 22-го сего Февраля сообщая, что ввиду закрытия Завода подлежат к расчету рабочие всех мастерских, за исключением:

Железнодорожного цеха
Заводского Дана
Испытательной станции
Смотрового и сторожевого цеха
Машины Завода и
Центральной Электрической станции.

О дне выдачи расчета будет объявлено дополнительно.

Брапило
 сласти
 мушиное сеево,
хлебá
 зерном
 в элеваторах портятся,
а под витринами
 всех Елисеевых,
живот подведя,
 плелась безработица.
И бурчало
 у трущоб в утробе,
покрывая
 детворинный плачик:
— Под работу,
 под винтовку ль,
 на —
 ладони обе!

Приходи,
 заступник
 и расплатчик!

Эй,
 верблюд,
 открыватель колоний!
Эй,
 колонны стальных кораблей! *
Марш,
 в пустыни
 огня раскаленной!
Пеньте пену,
 бумаги белей!
Начинают
 черным латáться
оазисы
 пальмовых нег.
Вон
 среди
 золотистых плантаций
засеченный
 вымычал негр:

Хоть для правнуков,
не зря чтоб кровью литься,
выплыви,
заступник солнцелицей.
Я кончаюсь, —
бог смертей
пришел и поманил.
Помни
это заклинанье,
Нил,
мой Нил!

В снегах России,
в бреду Патагонии
расставило
время
станки потогонные.
У Ив́анова уже
у Вознесенска
каменные туши
будоражат
выкрики частушек:
«Эх, завод ты мой, завод,
желтоглазина.
Время нового зовет
Стеньку Разина».

Внуки
спросят: — Что такое капиталист?
Как дети
теперь: — Что это
г-о-р-о-д-о-в-о-й?..
Для внуков
пишу
в один лист
капитализма
портрет родовой.

44582

6023

Российская государственная
детская библиотека

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
ДЕТГИЗА~~

Капитализм
 в молодые года
 был ничего,
 деловой парнишка:
 первый работал —
 не боялся тогда,
 что у него
 от работ
 засалится манишка.

Трико феодальное
 ему тесно!

Лез
 не хуже,
 чем нынче лезут.

Капитализм
 революциями
 своей весной
 расцвел
 и даже
 подпевал «Марсельезу».

Машину
 он
 задумал и выдумал.

Люди,
 и те — ей!

Он
 по вселенной
 видимо-невидимо
 рабочих расплодил
 детей.

Он враз
 и царства
 и графства сжевал
 с коронами их
 и с орлами.

Встучел,
 как библейская корова
 или вол,
 облизывается.

 Язык — парламент.

С годами
ослабла
мускулов сталь,
он раздобрел
и распух,
такой же
с течением времени
стал,
как и его гроссбук.
Дворец возвел —
не увидишь такого!
Художник
— не один! —
по стенам поёрзал.
Пол ампристый,
потолок рококо́вый,
стенки —
Людовика XIV,
Каторга.
Вокруг
с лицом,
что равно годится
быть и лицом
и ягодицей,
задолицая
полиция.
И краске,
и песне
душа глуха,
как корове
цветы
среди луга.
Этика, эстетика
и прочая чепуха —
просто —
его
женская прислуга.
Его
и рай
и преисподняя —
распродает
старухам

дырки
от гвоздей
креста господня
и перо
хвоста
святого духа.
Наконец
и он
перерос себя,
за него
работает раб.
Лишь наживая,
жря
и спя,
капитализм разбух
и обдряб.
Обдряб
и лег
у истории на пути
в мир,
как в свою кровать.
Его не объехать,
не обойти,
единственный выход —
взорвать!

Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
— А где ж душа?!
Да это ж —
риторика!
Поэзия где ж?
Одна публицистика!!
Капитализм —
неизящное слово,
куда изящней звучит —
«соловей»,

Им
 уже
 земного шара мало.
 И рукой,
 отяжелевшей
 от колец,
 тянется
 уштанная
 туша капитала
 ухватить
 чужой горлец.
 Идут,
 железом
 блация и лацкая.
 — Убивайте!
 двум буржуям тесно! —
 Каждое село —
 могила братская,
 городá —
 завод протезный.
 Кончилось —
 столы
 накрыли чайные.
 Пирогом
 победа на столе.
 — Слушайте
 могил чревоещание,
 каштаньеты костылей!
 Снова
 нас
 увидите
 в военной яви.
 Эту
 время
 не простит вину.
 Он расплещется,
 придет он
 и объявит
 вам
 и вашинской войне
 войну! —

Вырастают
на земле
слишком непролазны
слезы озера,
непролазны
крови топи.

И клонились
одиночки фантазёры
над решением
немыслимых утопий.

Голову
об жизнь
разбили филантропы.

Разве
путь миллионам —
филантропов тропы?

И уже
бессилен
сам капиталист,
так
его
машина размахалась, —
строй его
несет,
как пожелтелый лист,
кризисов
и забастовок хаос.

— В чей карман
стекаем
золотою лавой?

С кем идти
и на кого пенять? —
Класс миллионоглавый
напрягает глаз —
себя понять.

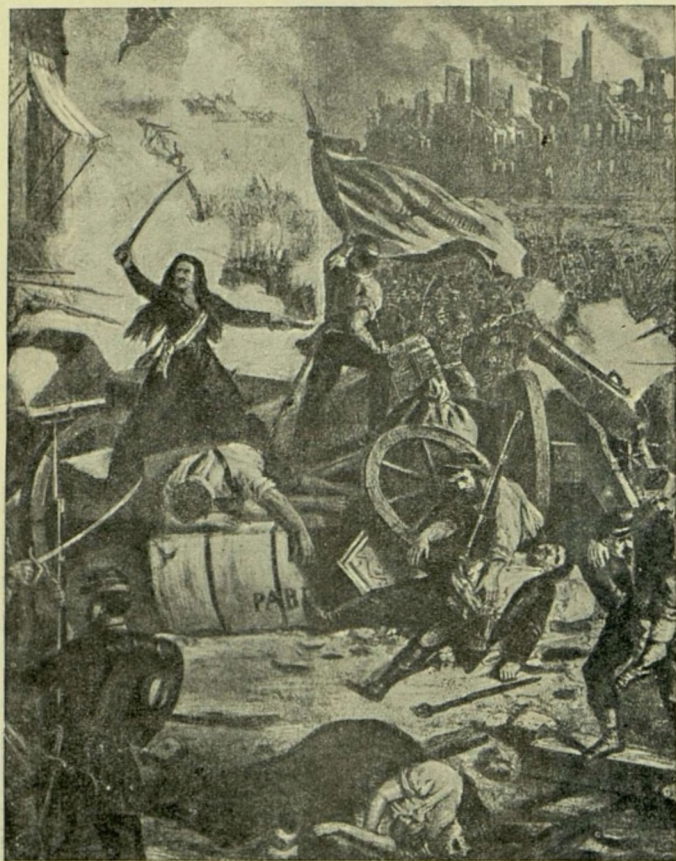
Время
часы
капитала
кράло,
побивая
прожекторов яркость.

Время
 родило
 брата Карла —
старший
 ленинский брат
 Маркс.
Маркс!
 Встает глазам
 седин портретных рама.
Как же
 жизнь его
 от представлений далека!
Люди
 видят
 замурованного в мрамор,
гипсом
 холодеющего старика.
Но когда
 революционной тропкой
первый
 делали
 рабочие
 шажок,

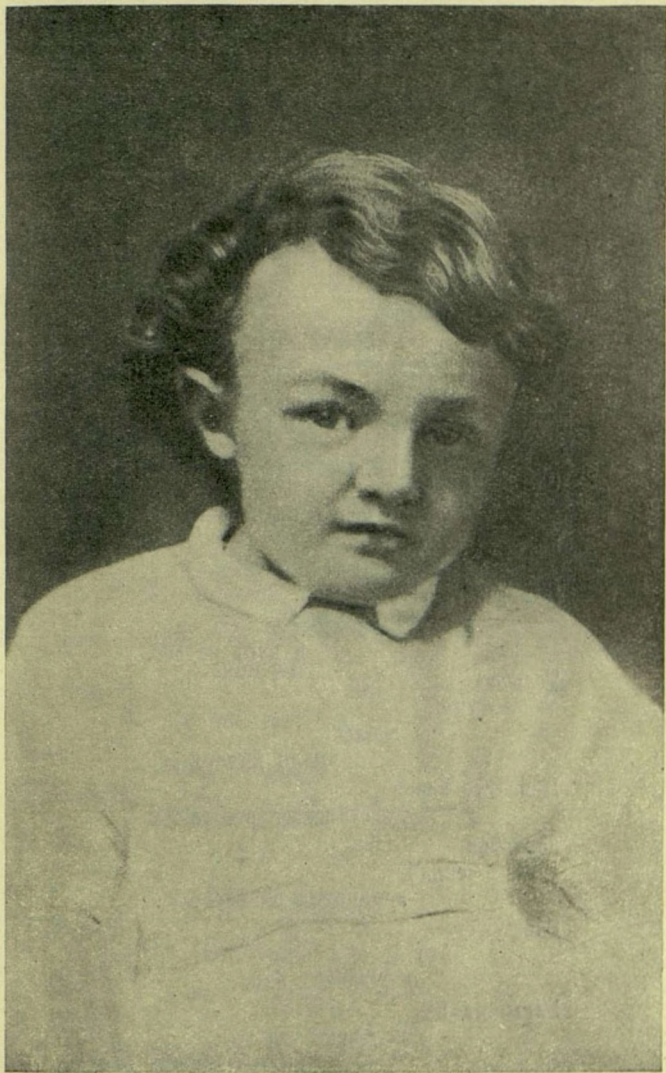

Назревали,
зрели дни,
как дыни,
пролетариат
взрослел
и вырос из ребят.
Капиталовы
отресные твердыни
валом размывают
и дробят.
У каких-нибудь
годов
на расстоянии
сколько гроз
гудит
от нарастаний.

Сообща взрываюте!
Бейте партией!
Булаком
одним
собрав
рабочий класс.
Скажут:
«Мы вожди»,
а сами —
шаркунами?
За речами
шкуру
распознать умеи;
будет вождь
такой,
что мелочами с нами —
хлеба проще,
рельс прямей.

II

Я знал рабочего.
 Он был безграмотный.
 Не разжевал
 даже азбуки соль.
 Но он слышал,
 как говорил Ленин,
 и он
 знал — всё.
 Я слышал
 рассказ
 крестьянина-сибирца.
 Отобрали,
 отстояли винтовками
 и раем
 разделали селеньице.
 Они не читали
 и не слышали Ленина,
 но это
 были ленинцы.
 Я видел горы —
 на них
 и куст не рос.
 Только
 тучи
 на скалы
 упали ничком.
 И на сто верст
 у единственного горца
 лохмотья
 сияли
 ленинским значком.
 Скажут —
 это
 о булавах а́хи.
 Барышни их
 вкалывают
 из кокетливых причуд.

Но и каторг
больнее была
у фабричных станков
кабала.

Были страны
богатые более,
красивее видал
и умней.

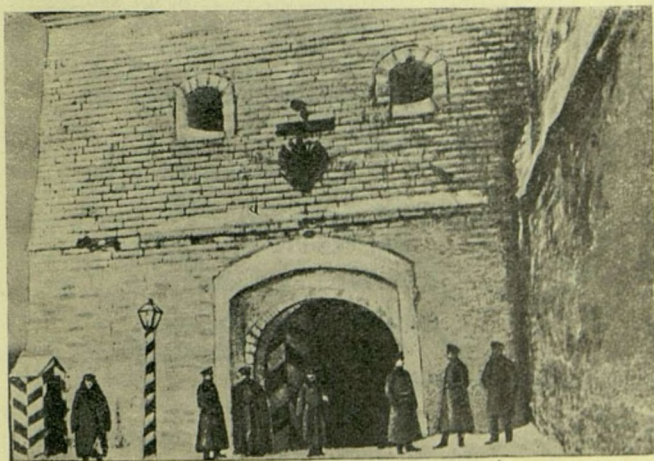
Но земли
с еще большей болью
не довиделось
видеть
мне.

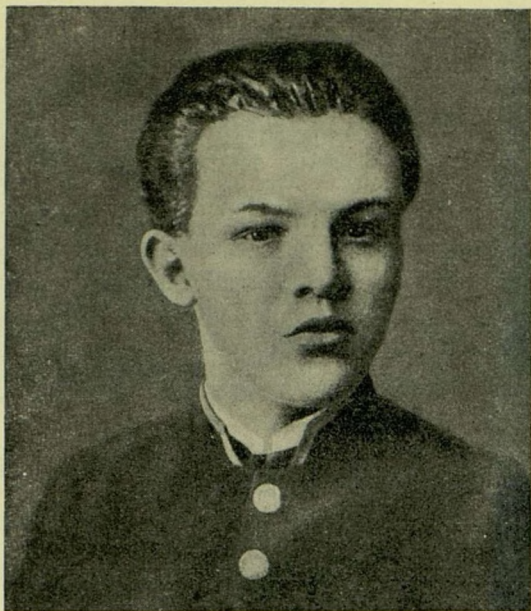
Да, не каждый
удар
сотрешь со щеки.

Крик крепчал:
— Подымайтесь
за землю и волю вы! —

И берутся
бунтовщики-
одиночки
за бомбу
и за револьвер.

Хорошо
 в царя вонзать обойму!
 Ну, а если
 только пыль взметнешь у колеса?
 Подготовщиком
 царевбийства пойман
 брат Ульянова,
 народоволец Александр.
 Одного убьешь —
 другой во весь свой пыл
 пытками
 ушедших переплюнуть тужится.
 И Ульянов
 Александр повешен был
 тысячным из шлиссельбуржцев.

И тогда
сказал Ильич семнадцатигодбый, —
это слово крепче клятв
солдатом поднятой руки:
— Брат,
мы здесь тебя сменить готовы,
победим, но мы
пойдем путем другим! —

Огляните памятники —
видите героев род вы?

Станет Гоголем,
а ты
венком его величь.
Не такой —
чернорабочий,
ежедневный подвиг
на плечи себе
взвалил Ильич.
Он вместе
учит в кузничной пасти,
как быть,
чтоб зарплата
взросла пятаком.
Что делать,
если
дерется мастер.
Как быть,
чтоб хозяин
поил кипятком.
Но не мелочь
целью в конце;
победив,
не стой так
над одной
сметённой лужею.
Социализм цель.
Капитализм враг.
Не веник —
винтовка оружие.
Тысячи раз
одно и то же
он вбивает
в тугой слух,
а назавтра
друг в друга вложит
руки
понявших двух.
Вчера — четыре,
сегодня — четыреста.
Таимся,
а завтра
в открытую встанем,

и эти
 четыреста
 в тысячи вырастут.
 Трудящихся мира
 подыдем восстанием.
 Мы уже
 не тише вод,
 травинки ниже, —
 гнев
 трудящихся
 густится в туче,
 режет
 молниями
 Ильичевых книжек,
 сыплет
 градом
 прокламаций и летучек.
 Бился
 об Ленина
 темный класс,
 тѣк
 от него
 в просветленьи,
 и, обданный
 силой
 и мыслями масс,
 с классом
 рос
 Ленин.
 И уже
 превращается в быль
 то,
 в чем юношей
 Ленин клялся:
 — Мы
 не одиночки,
 мы —
 союз борьбы
 за освобождение
 рабочего класса. —

КЪ РАБОЧИМЪ ПУТИЛОВСКИХЪ ЗАВОДОВЪ.

Товарищи.

Наступило время и намъ брать рабочія видѣть, что жить какъ сейчасъ живемъ дальше нельзя. Рабочія люди и у насъ на Руск качиваютъ повсюду это сознавать. Стачки сейчасъ не въ однихъ Питерѣ а и въ Москвѣ, Ярославлѣ и въ Твери, и въ Польсѣ и другихъ мѣстахъ. Славное время наступило. Мы начинаемъ смекать, что такое рабочія вопросы. Рабочія вопросы - вопросы нашей жизни. Это тотъ вопросъ, который заставляетъ дрожать козакскія думки, вопросъ, который приводитъ въ страхъ всѣхъ угнетателей и крепостницъ. И въ тоже время намъ дѣло, наша жизнь, наше счастье есть рабочія вопросы.

Братья рабочіе требуютъ:

- 1 | 8-ми часовъ въ работѣ съ 7 съ половиной до 5 вечера.
 - 2 | Уничтоженіе въ окрестъ 2, праздниче 2 и сверхтуду въ 2 работѣ въ вечерное и въ чье время.
 - 3 | Превращенія въ известъ съ паденіемъ сти каменъ денегъ, каменъ штрафы въ капиталѣ и права въ чье ли надъ ними.
 - 4 | Чтобы быль положенъ конецъ тому гнусному порядку, при которомъ некоторые старшіе живутъ чужимъ трудомъ, не работая а получаютъ плату съ труда своихъ подручныхъ. Рабочіимъ не приходится угнетать рабочихъ же. Ихъ нужно оставить и поздравить Товарищи. Будемъ упорно и спокойно требовать своего.
- Кто не за насъ, тотъ противъ насъ.

19-го Іюня 1890 г.

СОЮЗЪ БУРЖУА ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА.

Ленинизм идет
всё далее
и более
вширь
учениками
Ильичевой выверки.
Кровью
вписан
героизм подполья
в пыль
и в слякоть
бесконечной Володимирки.
Нынче
нами
шар земной заверчен.
Даже
мы
в кремлевских креслах если, —
скольким
вдруг
из-за декретов Перчинск
кандалами
развенится в кресле!
Вам
опять
напомню птичий путь я.
За волчком —
трамваев
электрическая рысь.
Кто
из вас
решетчатые прутья
не царапал
и не грыз?!
Лоб
разбей
о камень стенки тесной, —
за тобою
смыли камеру
и замели.
«Служил ты недолго, но честно
на благо родимой земли».

мы
в марковом всеоружии
одна
на мир
большевицкая партия.
Америку
пересекаешь
в экспрессном купе,
идешь Чухломой —
тебе
в глаза
вонзается теперь
Р К П,
и в скобках
маленькое «б».
Теперь
на Марсов
охотится Пулково,
перебирая
небесный ларчик.
Но миру
эта
строчная буква
в сто крат красней,
грандиозней
и ярче.

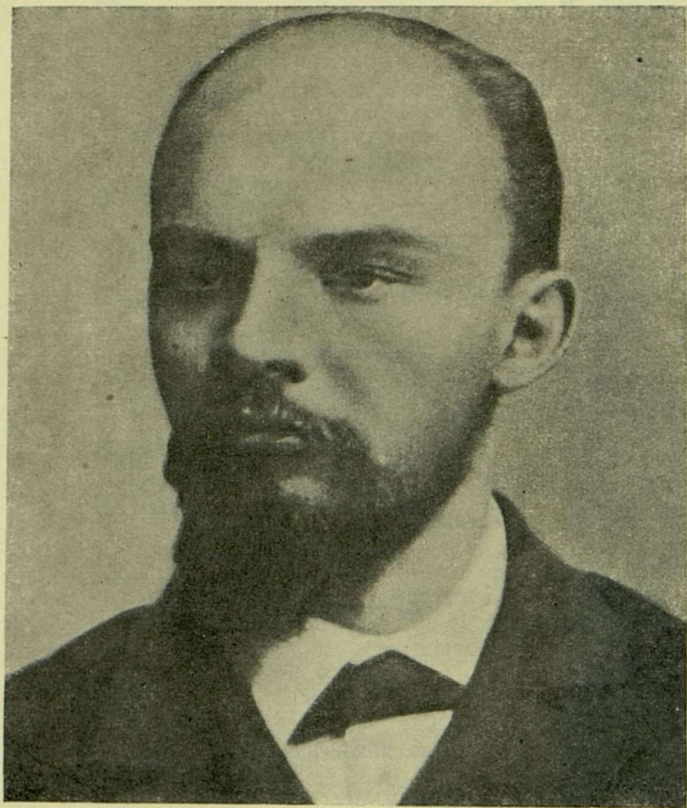
Слова
у нас
до важного самого
в привычку входят,
ветшают, как платье.

Хочу
снять заставить заново
величественнейшее слово —
партия.

Единица!
Кому она нужна?
Голос единицы
тоньше писка.

Кто ее услышит? —
разве жена!

И то,
если не на базаре,
а близко.
Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.
Плохо человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин, —
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.
А если
в партию
сгрудились малые, —
сдайся, враг,
замри
и ляг!
Партия —
рука миллионопалая,
сжатая
в один
громящий кулак.
Единица вздор,
единица ноль,
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.

Партия —
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
Партией
стройки
в небо взмечем,

держа
 и вздымая друг друга.
 Партия —
 спинной хребет рабочего класса.
 Партия —
 бессмертие нашего дела.
 Партия — единственное,
 что мне не изменит.
 Сегодня приказчик, а завтра
 царства стираю в карте я.
 Мозг класса,
 дело класса,
 сила класса,
 слава класса —
 вот что такое партия.
 Партия и Ленин —
 близнецы-братья, —
 кто более
 матери-истории ценен?
 Мы говорим — Ленин,
 подразумеваем —
 партия,

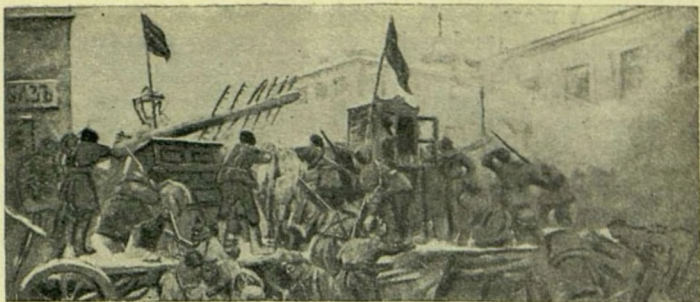
Российский коммунистический союз молодежи
 Входящий билет № 18952
 Какой организацией принят
 основателем Р. Н. П.
 Репрессии за парт. работу, когда, какие
 1895-1896 арест и ссылка из Владив.
 1900 - арест
 Состояли ли в других партиях, каких,
 когда, где

Подробное название в Воскресенск.
 организации, куда в настоящее время
 шло билет.
 Фамилия *Иванов*
 Имя *Иван*
 Отчество *Иванович*
 Год рождения *1875*

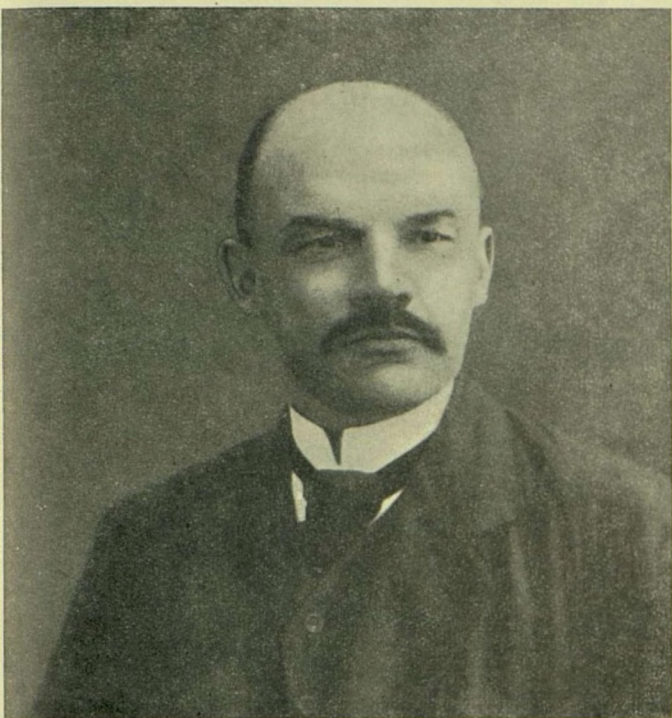
Место для фотографии
 Греческая революция
 М. и. и. П.

Основание зачисления в организацию
 В каких профсоюзах состоял до выдачи
 билета

Подпись и фотография участника
 Член комитета Р. Н. П.

Сами
с оружием
встали пресненцы.
Казалось —
сейчас
покончим с тронем,
за ним
и буржуево
кресло треснется.
Ильич уже здесь.
Он изо дня на день
проводит
с рабочими
пятый год.
Он рядом
на каждой стоит баррикаде,
ведет
всего восстания ход.
Но скоро
прошла
лукавая вестийка —
„свобода“.
Бантики люди надели,
царь
на балкон
выходил с манифестиком.

— Нет,
за оружие
браться нужно,
только более
решительно и энергично.
Новых восстаний вижу день я.
Снова подымется
рабочий класс.
Не защита —
нападение
стать должно
лозунгом масс. —

И этот год
в кровавой пене
и эти раны
в рабочем стане
покажутся
школой
первой ступени
в грозе и буре
грядущих восстаний.

И Ленин
снова
в своем изгнании
готовит
нас
перед новой битвой.
Он учит
и сам вбирает знания,
он партию
вновь
собирает разбитую.

Смотри —
забастовки
вздымают год,
еще —
и к восстанью сумеешь сдвинуться ты.

Но вот
из лет
подымается
страшный четырнадцатый.

Так пишут —
солдат-де
раскурит трубку,
балакать пойдет
о походах древних, —
но эту
всемирнейшую мясорубку
к какой приравнять
к Полтаве,
к Плевне?!

Империализм
во всем оголении —
живот наружу,
с вставными зубами,
и море крови
ему по колени —
сжирает страны,
вздымая штыками.
Вокруг него
его подхалимы —
патриоты —
приспособились Вовы —
пишут,
руки предавшие вымыв:
— Рабочий,
дерись
до последней крови! —
Земля —
горой
железного лома,
а в ней
человечья
рвань и рвань.

Среди
всего сумасшедшего дома
трезвый
встал
один Циммервальд.

Отсюда
Ленин
с горсточкой товарищей
встал над миром
и поднял над
мысли
ярче
всякого пожарища,
голос
громче
всех канонад.

Оттуда —
миллионы
канонадою в уши,
стотысячесабельной
конницы бег,
отсюда,
против
и сабель и пушек —
скуластый
и лысый
один человек.

— Солдаты!
Буржуи,
предав и продав,
к туркам шлют
за Верден,
на Двину.

Довольно!
Превратим
войну народов
в гражданскую войну!
Довольно
разгромов,
смертей и ран, —

у наций
нет
никакой вины.
Против
буржуазии всех стран
подыдем
знамя
гражданской войны! —
Думалось:
сразу
пушка-печка
чихнет огнем
и сдует гнилью, —
потом поди,
ищи человечка,
поди,
вспоминай его фамилию.
Глоткой орудий,
шипевших и вывших,
друг другу
страны
орут:
— На колени!
Додрáлись,
и вот
никаких победивших, —
один победил
товарищ Ленин.
Империализма прорва!
Мы
истощили
терпенье ангельское.
Ты
восставшею
Россней прорвана
от Тавриза
и до Архангельска.
Империя —
это тебе не кура!
Клювастый орел
с двуглавою властью.

А мы,
 как докуренный окурок,
 просто
 сплюнули
 их династью.
 Огромный,
 покрытый кровавой ржою,
 народ,
 голодный и голоштаный,
 к советам пойдет
 или будет
 буржую
 таскать,
 как и встарь,
 из огня каштаны?
 — Народ
 разорвал
 оковы царьи.
 Россия в буре,
 Россия в грозе, —
 читал
 Владимир Ильич
 в Швейцарии,
 дрожа,
 волнуясь
 над кипой газет.

„ИЗВѢСТІЯ“

27-го ФЕВРАЛЯ.

Газеты не выходятъ.

Событія идутъ слишкомъ быстро.

Населенію должно знать, что происходитъ.

Отъ штаба Верховнаго
Гласношмайдущаго.

Телеранцы М. П. Родина
Гласношмайдущаго

Телеранцы М. П. Родина
Гласношмайдущаго

Адресъ редакціи
М. П. Родина.

Второй изъ Гласношмайдущаго.

Но что
по газетным узнаешь ключьям?
На аэроплане
прорваться б ввысь,
туда,
на помощь
к восставшим рабочим, —
одно желанье,
единая мысль.

Поехал,
покорный партийной воле,
в немецком вагоне,
немецкая пломба.

О, если бы
знал
тогда Гогенцоллерн,
что Ленин
и в их монархию бомба!

Питерцы
всё еще
всем на радость
лобзались,
скакали дитишками малыми,

«Марш, марш на фронт,
рабочий народ».

И в довершение
пейзажа славенького
нас предававшие
и до
и потóм,
вокруг
сторожами
эсеры да Савинковы,
меньшевики —
ученым котом.

И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,
с Финляндского вокзала
по Выборгской
загрохотал броневик.

И снова
ветер
свежий, крепкий
валы
революции
поднял в пене.

Литейный
залили
блузы и кепки:

«Ленин с нами!
Да здравствует Ленин!»

— Товарищи! —
и над головами
первых сотен
вперед
ведущую
руку выставил. —

— Сбросим
эсдечества
обветшавшие лохмотья!

Долой
власть
соглашателей и капиталистов!
Мы —
голос
воли низа,
рабочего низа
всего света.
Да здравствует
партия,
строющая коммунизм,
да здравствует
восстание
за власть советов! —
Впервые
перед толпой обалделой
здесь же,
перед тобою,
близ
встало,
как простое
делаемое дело,
недостижимое слово —
«социализм».
Здесь же,
из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,
встала
завтрашняя
коммуна трудящихся —
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ.
На толщ
окрутивших
соглашательских веревок
слова Ильича
ударами топора.

И речь
 прерывало
 обвалами рева:
 «Правильно, Ленин!
 Верно!
 Пора!»

Дом
 Кшесинской,
 за дрыгоножество
 подаренный,
 нынче —
 рабочая блузница.

Сюда течет
 фабричное множество,
 здесь
 закаляется
 в ленинской кузнице.

ЗДЕСЬ
 С 12-го МАРТА по 12-е ИЮНЯ
 1917 ГОДА (старого стиля)
 ПОМЕЩАЛСЯ ШТАБ
 КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, КОТОРЫЙ
 ПОД РУКОВОДСТВОМ ЕГО ТОГДА
 СБИРАЛИСЬ И ОРГАНИЗОВЫВАЛИ
 СИЛЫ РАБЬЕГО КЛАССА
 ДЛЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
 РЕВОЛЮЦИИ.

ТОЛЬКО ПРОЛЕТАРСКАЯ
 СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
 МОЖЕТ ВЫВЕСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
 ИЗ ТУПИКА БОСЛАННОГО ИМПЕ-
 РИАЛИЗМА И ИМПЕРИАЛИСТИ-
 ЧЕСКИМИ ВОЙНАМИ.

КАКОВЫ БЫ НИ БЫЛИ ТРУД-
 НОСТИ РЕВОЛЮЦИИ И ВОЗМОЖ-
 НЫЕ ВРЕМЕННЫЕ НЕУСПЕХИ ЕЕ,
 ИЛИ ВОЛНЫ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ,
 ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОВЕДА
 ПРОЛЕТАРИАТА НЕИЗБЕЖНА.

В. И. ЛЕНИН

Механика:

1) Очерк к билету
 "Уравнение движения жёсткого тела"

2) "Уравнение жёсткого тела" "уравнение движения" (A) "B" "C" "D"

3) (A) (B) (C) (D)

3) Кле нахождение уравнения движения жёсткого тела, а также уравнение движения жёсткого тела, а также уравнение движения жёсткого тела

(A) (B) (C) (D)

4) Обсуждение задачи относительно жёсткого тела, а также уравнения движения жёсткого тела, а также уравнения движения жёсткого тела

Допущено, что движение жёсткого тела относительно жёсткого тела, а также уравнения движения жёсткого тела, а также уравнения движения жёсткого тела

5) Угол наклона

(A) Угол наклона (Курсовые работы по механике)

(B) "Угол наклона" "Угол наклона" "Угол наклона"

+ (C) (D)

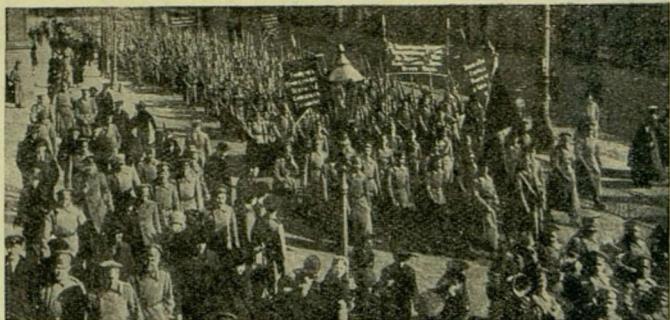
уравнение движения жёсткого тела, а также уравнения движения жёсткого тела

(C) Угол наклона жёсткого тела, а также уравнения движения жёсткого тела

(D) Кле (B) курсовые работы, а также уравнения движения жёсткого тела, а также уравнения движения жёсткого тела

2) Курс

уравнение движения жёсткого тела, а также уравнения движения жёсткого тела, а также уравнения движения жёсткого тела

«Ешь ананасы,
рыбчиков жуй,
день твой последний
приходит, буржуй».
Уж лезем
к сидящим
в хозяйском стуле —
как живете
да что жуете?
Примериваясь,
в июле
за горло потрогали
и за животик.

Буржуевы зубья
 ощерились разом.
 И ручку Керенского
 водят приказом —
 на мушку Ленина!
 И партия снова
 ушла в подполье.
 Ильич на Разливе,
 Ильич в Финляндии.
 Но ни чердак,
 ни шалаш,
 ни поле
 вождя
 не дадут
 озверелой банде их.

Ленина не видно,
но он близ.
По тому,
работа движется как,
видна
направляющая
ленинская мысль,
видна
ведущая
ленинская рука.
Словам Ильичевым —
лучшая почва:
падают,
сейчас же
дело растя,
и рядом
уже
с плечом рабочего
плечи
миллионов крестьян.
И когда
осталось
на баррикады выйти,
день
наметив
в ряду недель,
Ленин
сам
явился в Питер:
— Товарищи,
довольно тянуть канитель! —
Гнет капитала,
голод уродина,
войн бандитизм,
интервенция вóрья,
будет!
Покажутся
белее родинок
на теле бабушки,
древней истории.
И оттуда
на дни

Штыками
тычется
чирканье молний,
матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
внизу пулеметчики.
— Вас
вызывает
товарищ Сталин.
Направо
третья,
он
там.

шагал,
становился
и глаз, сощуря,
вонзал,
заложивши
руки за спину.
В какого-то парня
в обмотках,
лохматого,
уоставил
без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто
душу
тащил из-под фраз.
И знал я,
что всё
раскрыто и понято
и этим
глазом
наверное выловится —
и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.
Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.
Он
взвешивал
мир
в течение ночи,

Из письма к... Графской России.

[Faint handwritten text, possibly a letter or document, with some lines crossed out.]

а утром:
— Всем!
 Всем!
 Всем это
фронтам,
 кровью пьяным,
рабам
 всякого рода,
в рабство
 богатым отданным —
Власть советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным!
Буржуи
 прочли
 — погодите,
 ВЫЛОВИМ —
животики пятят
 доводом веским, —
ужо им покажут
 Духонин с Корниловым,
покажут ужо им
 Гучков с Керенским.

ДЕКРЕТЪ О МИРѢ,

принятый единогласно на заседании Всероссийского Съезда Советовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ 26 октября 1917 г.

ДЕКРЕТЪ О ЗЕМЛѢ

Съезда Советовъ Рабоч. и Солдат. Депутатовъ.

Принятъ на заседании 26 октября 1917 г.

О землѣ.

Но фронт
без боя
деревня
и город
и даже
безграмотным
Мы знаем,
не нам,
какое такое бывает
Переходило
от близких к ближним,
от ближних
дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
война,
война дворцам!»

Дрались
в любом заводе и цехе,
горохом
из городов вытряхали,
а сзади
шаганье октябрьское
метило вежи
пылающих
дворянских усадеб.
Земля —
подстилка под ихними порками,
и вдруг
ее,
как хлебища в узел,
со всеми ручьями ее
и пригорками
крестьянин взял
и зажал, закорузел.
В очках
манжеттики,
злостью похаркав,
ползли туда,
где царство да графство.
Дорожка скатертью!
Мы и кухарку
каждую
выучим
управлять государством!
Мы жили
пока
производством ротаций.
С окопов
летело
в немецкие уши:
— Пора кончать!
Выходите брататься! —
И фронт
расползлся
в улитке теплушек.

Такую ли
течь
загородите горстью?
Казалось —
наша лодчонка кренится —
Вильгельмов сапог,
Николаева шпористой,
сотрет
Советской страны границы.
Пошли эсеры
в плащах распашонкой,
ловили бегущих
в свое словоблудьище,
тащили
по-рыцарски
глупой шпажонкой
красиво
сразить
броневые чудища!
Ильич
петушившимся
крикнул:

— Ни с места!

Пусть партия

взвалит

и это бремя.

Возьмем

передышку похабного Бреста.

Потеря — пространство,

выигрыш — время.

Чтоб не передохнуть

нам

в передышку,

чтоб знал —

запомнят удары мои, —

себя

не муштровкой,

сознанием вышколи,

стройся

рядами

Красной Армии.

«Мы смело в бой пойдём
за власть советов
и, как один, умрём
в борьбе за это!»
Деникин идет.
Деникина выкинут,
обрушенный пушкой
подымут очаг.
Тут Врангель вам —
на смену Деникину.
Барона уронят —
уже Колчак.
Мы жрали кору,
ночовка — болотце,
но шли
миллионами красных звезд,
и в каждом — Ильич,
и о каждом заботится
на фронте
в одиннадцать тысяч верст.
Одиннадцать тысяч верст
окружность,
а сколько
вдоль да поперек!
Ведь каждый дом
атаковывать нужно,
каждый
врага
в подворотнях берёт.
Эсер с монархистом
шпионят бессонно —
где жалят змеей,
где рубят с плеча.
Ты знаешь
путь
на завод Михельсона?
Найдешь
по крови
из ран Ильича.

ВСѢМ СОВѢТАМ

РАБОЧИХ, КРЕСТ., КРАСНОАРМ. ДЕПУТ.

ВСѢМ АРМІЯМ, ВСѢМ, ВСѢМ, ВСѢМ.

Нѣсколько часов тому назад совершено злодѣйское покуше-
ніе на тов. ЛЕНИНА. Роль тов. Ленина, его значеніе для рабо-
чаго движенія Россіи, рабочаго движенія всего міра извѣстны
самым широким кругам рабочим всѣх стран.

Истинный враг рабочего класса во время этого обмыва с высшим интересом, нужды которого он оставил дожить эти

Тов. ЛЕНИН выступавший все время на рабочих митингах, в пятницу выступал перед рабочими завода МИХЕЛЬСОН в
Замоскворецкой районѣ г. Москвы. По выходѣ с митинга тов. ЛЕНИН был ранен. Двое стрѣлявших задержаны. Из личности
выясняется. Мы не останавливаемся в том, что и здѣсь будут найдены слѣды пристрастия жюри, слѣды нажимов англійцев и французской

ПРИЗЫВАЕМ ВСѢХ ТОВАРИЩЕЙ К ПОЛНѢЙШЕМУ СПОКОЙ-
СТВІЮ, К УСИЛЕНІЮ СВОЕЙ РАБОТЫ ПО БОРЬБѢ С КОНТР-
РЕВОЛЮЦИОННЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ.

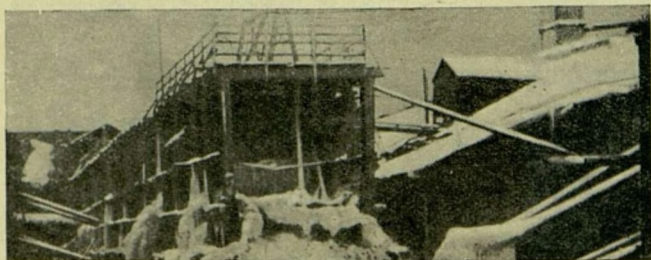
НА ПОКУШЕНІЯ, НАПРАВЛЕННЫЯ ПРОТИВ ЕГО ВОЖДЕЙ, РА-
БОЧИЙ КЛАСС ОТВѢТИТ ЕЩЕ БОЛЬШИМ СПЛОЧЕНІЕМ СВОИХ
СИЛ, ОТВѢТИТ БЕЗПОЩАДНЫМ МАССОВЫМ ТЕРРОРОМ ПРО-
ТИВ ВСѢХ ВРАГОВ РЕВОЛЮЦИИ.

Товарищи. Помните, что охрана ваших вождей в ваших собственных
руках. Тѣснѣ смыкайте свои ряды и господству буржуазіи вы нанесете
рѣшительный, смертельный удар. Победа над буржуазіей—лучшая гарантія,
лучшее укрѣпленіе всѣх завоеваній октябрьской революціи, лучшая гаран-
тія безопасности вождей рабочаго класса.

Спокойствіе и организація! Всѣ должны стойко оставаться
на своих постах! Тѣснѣ ряды!

Предсѣдатель В. Ц. Х. Х. Я. Свердлов.

Эсеры
 целят
 не очень верно —
 другим концом
 да себя же
 в бровь.
 Но бомб страшнее
 и пуль револьверных
 осада голода,
 осада тифов.
 Смотрите —
 кружат
 над крошками мушки,
 сытней им,
 чем нам
 в осьмнадцатом году, —
 простаивали
 из-за осьмушки
 сутки
 в улице
 на холоду.
 Хотите сажайте,
 хотите травите, —
 завод за картошку —
 кому он жалок!
 И десятикорпусный
 судостроитель
 пыхтел
 и визжал
 из-за закигалок.

А у кулаков
и масло и пышки.
Расчет кулаков
простой и верньенкий:
запрячь хлебá
да зарой в кубышки
николаевки
да кэренки.
Мы знаем —
голод
сметает начисто,
тут нужен зажим,
а не ласковость воска, —
и Ленин
встает
сражаться с кулачеством
и продотрядами
и продразверсткой.
Разве
в этакое время
слово «демократ»
набредет
какой головке дурьей?!
Если бить,
так чтоб под ним
панель была мокра:
ключ побед —
в железной диктатуре.
Мы победили,
но мы
в пробойнах:
машина стала —
обшивка
лохмотья.
Валы обломков!
Лохмотьев обойных!
Идите залейте!
Возьмите и смойте!

Где порт?
Маяки
поломались в порту,
кренимся,
мачтами
волны крестя!
Нас опрокинет —
на правом борту
в сто миллионов
груз крестьян.
В восторге враги
заливаются воя,
но так
лишь Ильич умел и мог, —
он вдруг
повернул
колесо рулевое
сразу
на двадцать румбов вбок.
И сразу тишь,
дивящая даже;
крестьяне
подвозят
к пристани хлеб.
Обычные вывески
— купля —
— продажа —
— нэп.
Прищурился Ленин:
— Чинитесь пока чего,
аршину учись,
не научишься —
плох. —
Команду
усталую
берег покачивал.
Мы к буре привыкли,
что за подвох?

И Ленин
сам
где железо,
где дерево
носил
чинить
пробитое место.
Стальными листами
вздыхал
и примеривал
кооперативы,
лавки
и тресты.
И снова
становится
Ленин штурман,
огни по бортам
впереди и сзади.
Теперь
от абордажей и штурма
мы
перейдем
к трудовой осаде.
Мы
отошли,
рассчитавши точно.
Кто разложился —
на берег
за вóрот.
Теперь вперед!
Отступление окончено.
Р К П,
команду на борт!
Коммуна — столетия,
что десять лет для ней?
Вперед —
и в прошлом
скроется нэпчик.

одна
 неписаная эпопея —
шагов Ильича
 от победы к победе.
Революции —
 тяжелые вещи,
один не подымешь —
 согнется нога.
Но Ленин
 меж равными
 был первейший
по силе воли,
 ума рычагам.
Подымаются страны
 одна за одной —
рука Ильича
 указывала верно:
народы —
 черный,
 белый
 и цветной —
становятся
 под знамя Коминтерна.
Столпов империализма
 непреклонные колонны —
буржуи
 пяти частей света,
вежливо
 приподымая
 цилиндры и короны,
кланяются
 Ильичевой республике советов.
Нам
 не страшно
 усилие ничье,
мчим
 вперед
 паровозом труда, —
и вдруг
 стопудовая весть —
 с Ильичем
удар.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

21 января, в 8 час. 50 мин. веч., в Горках близ Москвы неожиданно скончался Владимир Ильич **УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН**.

Ничто не указывало на близость смертельного исхода. В последнее время в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило значительное улучшение. Все заставляло думать, что здоровье будет дальше восстанавливаться.

Совершенно неожиданно вчера в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило резкое ухудшение. Несколько часов спустя Владимира Ильича не стало.

Заседающей в Москве Всероссийский Съезд Советов, а также открывающейся в ближайшие дни Всесоюзный Съезд примут необходимые решения для обеспечения дальнейшей непрерывной работы Советского Правительства.

Самый тяжелый удар, постигший трудящихся Советского Союза, а также всего мира со времени завоевания власти рабочими и крестьянами России, глубоко потрясет каждого рабочего и крестьянина не только нашей Республики, но также во всех странах.

Широчайшие массы трудящихся всего мира будут оплакивать величайшего своего вождя.

Его больше нет среди нас, но его дело останется неизменным.

Выражающее волю трудящихся масс Советское правительство продолжает работу Владимира Ильича, идя дальше по намеченному им пути.

Советская власть стоит твердо на своем посту на страже завоеваний пролетарской революции.

Москва, Кремль, 21 января 1924 года.

Последний бюллетень.

21-го января в состоянии здоровья Владимира Ильича внезапно произошло резкое ухудшение. В 5½ часов дня дыхание стало прерывистым. Наступило бессознательное состояние, появились общие судороги.

В 8 часов 50 минут Владимир Ильич скончался при явлениях паралича дыхательного центра.

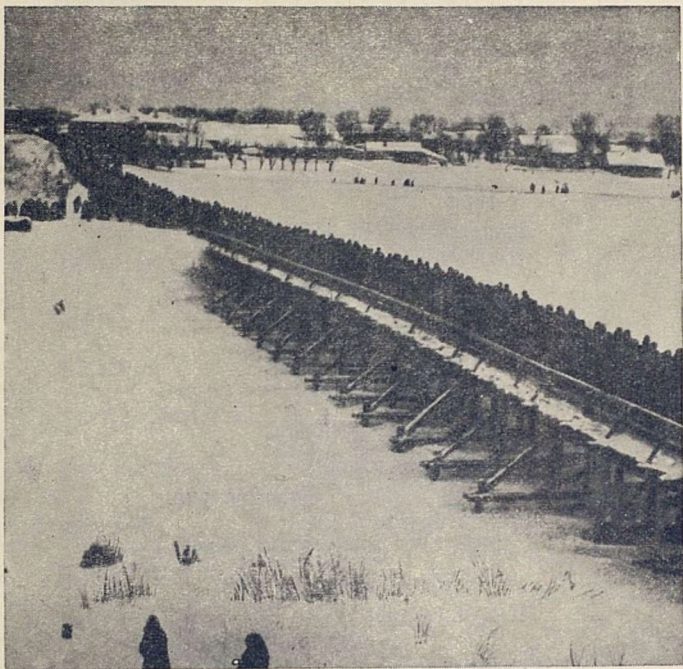
Доктор Обух, Профессоры *Борисов, Гитт,*
Савель, Виноградов,
Нерасколкин *Савицкий.*

Горки, близ Москвы, 21 января 1924 г.

Чего
 президентум,
 как вырубленный, поредел?
Отчего
 глаза
 краснее ложи?
Что с Калининным —
 держится еле.
Несчастье?
 Какое?
 Быть не может!
А если с ним?..
 Нет!
 Неужели?

Потолок
на нас
пошел снижаться вороном.
Опустили головы —
еще нагни!
Задрожали вдруг
и стали черными
люстр расплывшихся огни.
Захлебнулся
колокольчика ненужный щелк.
Превозмог себя
и встал Калинин.
Слезы не сжуешь
с усов и щек.
Выдали.
Блестят у бороды на клине.
Мысли смешались,
голову мнут.
Кровь в виски,
клокочет в вене.
— Вчера
в шесть часов пятьдесят минут
скончался товарищ Ленин! —
Этот год
видал,
чего не взвидят сто.
День
векам
войдет
в тоскливое преданье.
Ужас
из железа
выжал стон.
По большевикам
прошло рыданье.
Тяжесть страшная!
Самих себя же
выволакивали волоком.
Разузнать —
когда и как? —
Чего таят!

В улицы
и в переулки
катафалком
плыл
Большой театр.
Радость
ползет улиткой.
У горя
бешеный бег.
Ни солнца,
ни льдины слитка —
всё
сквозь газетное ситко
черный
засеял снег.
На рабочего
у станка
весть набросилась.
Пулей в уме.
И как будто
слезы стакан
опрокинули на инструмент.
И мужичонко,
видавший виды,
смерти
в глаз
смотревший не раз,
отвернулся от баб,
но выдала
кулаком
растертая грязь.
Были люди — кремень,
и эти
прикусились,
губу уродуя.
Стариками
рассерьзничались дети,
и как дети
плакали седобородые,

Ветер
всей земле
бессонницею был,
и никак
восставшей
не додумать до конца,
что вот гроб
в морозной
комнатеночке Москвы
революции
и сына и отца.
Конец,
конец,
конец.

Кого

уверять!

Стекло —

и видите под...

Это

его

несут с Павелецкого

по городу,

взятому им у господ.

Улица,

будто рана сквозная,

так болит

и стонет так.

Здесь

каждый камень

Ленина знает

по топоту

первых

октябрьских атак.

Здесь

все,

что каждое знамя

вышло,

задумано им

и велено им.

Здесь

каждая башня

Ленина слышала,

за ним

пошла бы

в огонь и в дым.

Здесь

Ленина

знает

каждый рабочий,

сердца ему

ветками елок стели.

Он в битву вел,

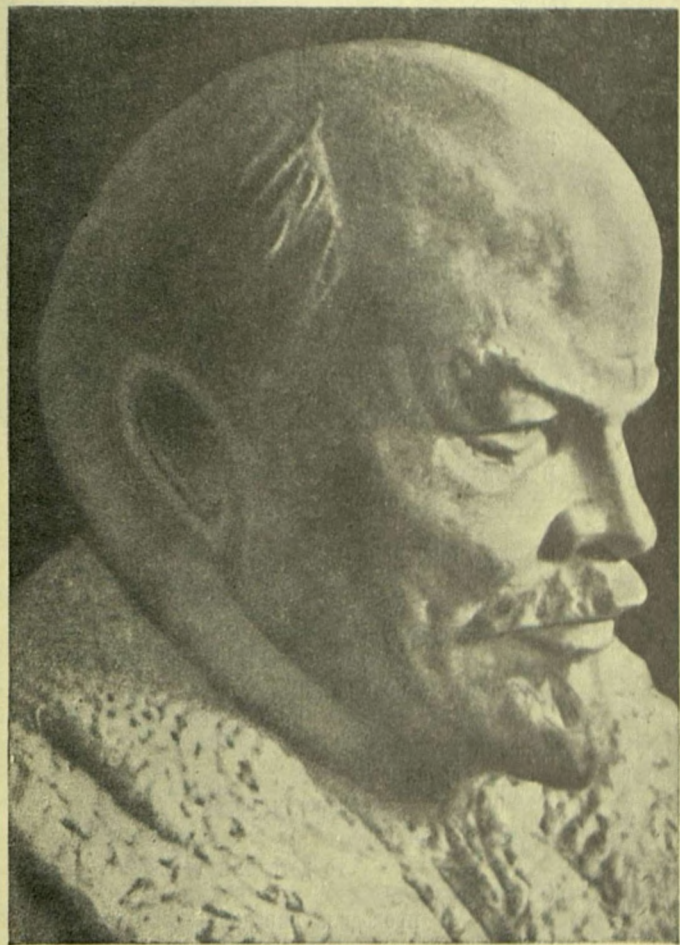
победу пророчил,

и вот

пролетарий —

всего властелин.

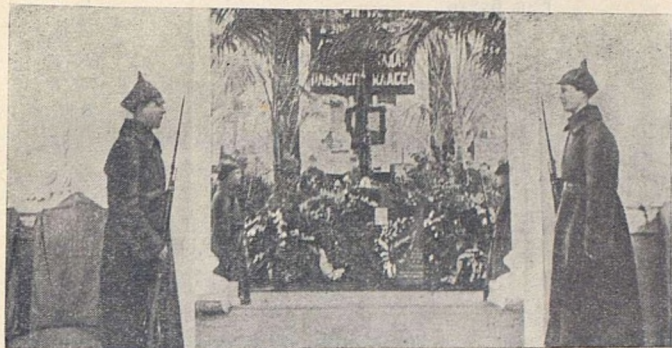
Здесь каждый крестьянин
 Ленина имя
 в сердце
 вписал
 любовней, чем в святцы.
 Он земли
 велел
 назвать своими,
 что дедам
 в гробах
 засеченным снятся.
 И коммунары
 с-под площади Красной,
 казалось,
 шепчут:
 — Любимый и милый!
 Живи —
 и не надо
 судьбы прекрасней —
 сто раз сразимся
 и ляжем в могилы!
 Сейчас
 прозвучали б
 слова чудотворца,
 чтоб нам умереть —
 и его разбудят, —
 плотина улиц
 в распашку растрвбрится,
 и с песней
 на смерть
 ринутся люди.
 Но нету чудес,
 и мечтать о них нечего.
 Есть Ленин,
 гроб
 и согнутые плечи.
 Он был человек
 до конца человеческого —
 неси
 и казнь
 тоской человеческой.

Vladimir Lenin
by the artist

Вовек
такого
бесценного груза
еще
не несли
океаны наши,
как гроб этот красный,
к Дому союзов
плывущий
на спинах рыданий и маршей.
Еще
в караул
вставала в почетный
суровая гвардия
ленинской выправки,
а люди
уже
прожидают, впечатаны
во всю длину
и Тверской
и Димитровки.
В семнадцатом
было —
в очередь дочери
за хлебом не вышлешь —
завтра съем!
Но в эту
холодную
страшную очередь
с детьми и с больными
встали все.
Деревни
строились
с городом рядом.
То мужеством горе,
то детскими вызвонит.
Земля труда
проходила парадом —
живым
итогом
ленинской жизни.

Мороз небывалый
жарил подошвы.
А люди
днюют
давку тесной.
Даже
от холода
бить в ладоши
никто не решается —
нельзя,
неуместно.
Мороз хватает
и тащит,
как будто
пытает,
насколько в любви закаленные.
Врывается в толпы.
В давку запутан,
вступает
вместе с толпой за колонны.
Ступени растут,
разрастаются в риф.
Но вот
затишает
дыханье и пенье,
и страшно ступить —
под ногою обрыв,
бездонный обрыв
в четыре ступени.
Обрыв
от рабства в сто поколений,
где знают
лишь золота звонкий резон.
Обрыв
и край —
это гроб и Ленин,
а дальше
коммуна
во весь горизонт.

Что увидишь?!

Только лоб его лишь,
и Надежда Константиновна
в тумане

за...

Может быть,

в глаза без слез

увидеть можно

больше.

Не в такие

я

смотрел глаза.

Знамен

плывущих

склоняется шелк

последней

почестью отданной:

«Прощай же, товарищ,

ты честно прошел

свой доблестный путь благородный».

Страх.

Закрой глаза

и не гляди —

как будто

идешь

по проволоке провода.

В минуту —
к последней четверке прыжок.
Замрите
минуту
от этой вести!
Остановись,
движение и жизнь!
Поднявшие молот,
стыньте на месте.
Земля, замри,
ложись и лежи.
Безмолвие.
Путь величайший окончен.
Стреляли из пушки,
а может, из тысячи.
И эта
пальба
казалась не громче,
чем мелочь,
в кармане бренчащая —
в нищем.
До боли
раскрыв
убогое зрение,
почти заморожен,
стою не дыша.
Встает
предо мной
у знамён в озарении
темный
земной
неподвижный шар.
Над миром гроб
неподвижен и нем.
У гроба —
мы,
людей представители,
чтоб бурей восстаний,
дел и поэм
размножить то,
что сегодня видели.

Но вот
 издалёка,
 оттуда
 из алого
 в мороз,
 в караул умолкнувший наш
 чей-то голос:
 «Шагом марш».
 Этого приказа
 и не нужно даже, —
 реже,
 ровнее,
 тверже дыша,
 с трудом
 отрывая
 тело-тяжесть,
 с площади
 вниз
 вбиваем шаг.
 Каждое знамя
 твердыми руками
 вновь
 над головою
 взвито ввысь.

Я уже стар — берите внучика,
не отстает — подай комсомол.
Подшефный флот, подымай якоря,
в море
пора
подводным кротам.
«По морям, по морям,
нынче здесь, завтра там».
Выше, солнце!
Будешь свидетель —
скорей
разглаживай траур у рта.
В ногу
взрослым
вступают дети —
тра-та-та-та-та,
та-та-та-та.
«Раз,
два,
три!
Пионеры мы.
Мы фашистов не боимся,
пойдем на штыки».
Напрасно
кулак Европы задран.
Кроем их грохотом.
Назад!
Не смей!
Стала
величайшим коммунистом-организатором
даже
сама
Ильичева смерть.

Уже
над трубами
руки
миллионов
красным знаменем
вверх
вздывается
страшным рывком,
чудовищной рощи,
сложив в древко,
Красная площадь

Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует революция
радостная и скорая!
Это —
единственная
великая война
из всех,
какне знала история.

1924 г.

Помните, любите, изучайте
Ильича, нашего учителя, нашего вождя
Борьтесь и побеждайте вра-
гов, внутренних и внешних, — по
Ильичу

Стройте новую жизнь, новую
жизнь, новую культуру — по Ильичу
Никогда не отворачивайтесь от
нашего владыки, ибо из нашего есть
и есть великое, — в том один из
важных заветов Ильича

И. Сталин

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Стр. 3 — В. И. Ленин произносит речь перед красноармейцами, отправляющимися на польский фронт. Москва, площадь Свердлова, 1920 год.
- Стр. 5 — У Дома Союзов. Трудящиеся отдают последний долг Ленину. Москва, 1924 год.
- Стр. 13 — Объявление дирекции Путиловского завода об увольнении рабочих.
- Стр. 15 — Истязание негра (из журнала AIZ, 1931 г.).
- Стр. 17 — Разгон рабочей демонстрации в заводском районе Петербурга (1910 год).
- Стр. 24 — Общий вид города Трира, где родился Карл Маркс.
- Стр. 25 — Карл Маркс (из Webers Illustrierte Zeitung, 1871 г.).
- Стр. 27 (слева направо) — Первое издание «Коммунистического манифеста», Лондон, 1848 год. «Капитал». Гамбург, 1867 год.
- Стр. 28 — Февральская революция в Париже (1848 год).
- Стр. 29 (слева направо) — Мартовская революция в Берлине (1848 год). Париж. Бой на улице Планш-Мибрей (июнь 1848 года).
- Стр. 30 — Баррикадный бой у Парижской ратуши (1871 год).
- Стр. 31 — Расстрел коммунаров на кладбище Пер-Ляшез 27 мая 1871 года.
- Стр. 32 — Дом в Симбирске, где жил В. И. Ульянов до 1887 года.
- Стр. 33 — В. И. Ульянов четырех лет.
- Стр. 36 — Морозовская стачка 1885 года (с картины Н. Касаткина).
- Стр. 37 — У ворот Шлиссельбургской крепости.
- Стр. 38 — В. И. Ульянов в 1887 году, во время поступления в Казанский университет.

- Стр. 41 — Прокламация Союза борьбы за освобождение рабочего класса «К рабочим Путиловских заводов», июнь 1896 года.
- Стр. 46 — В. И. Ленин в 1905 году.
- Стр. 47 — Партийный билет В. И. Ленина.
- Стр. 48 — Расстрел рабочих у Нарвских ворот в Петербурге 9 января 1905 года (из английского журнала «Graphic», 1905 г.).
- Стр. 49 — Баррикады в Москве на Пресне. Декабрь 1905 года (с картины худ. И. Владимирова).
- Стр. 51 — В. И. Ленин в Париже (1910 год).
- Стр. 53 — «Война и трупы — последняя надежда империй» (фото-монтаж Гартфильда).
- Стр. 56 — Газета «Известия» от 27 февраля 1917 года.
- Стр. 57 — Приезд В. И. Ленина в Петроград в 1917 году (с картины М. Соколова).
- Стр. 61 — Памятник В. И. Ленину в Ленинграде, у Финляндского вокзала (проект В. Шуко и С. Евсеева).
- Стр. 62 — Мемориальная доска на бывшем особняке Кшесинской в Ленинграде. Здесь с 12 марта 1917 года помещался штаб РКП(б).
- Стр. 63 — Ленинский набросок тезисов к Апрельской конференции РСДРП.
- Стр. 64 (сверху вниз) — Демонстрация революционных частей петроградского гарнизона 21 апреля 1917 года. Расстрел рабочей демонстрации в Петрограде, у здания Публичной библиотеки, 3 июля 1917 года.
- Стр. 65 — Рабочий билет, выданный Сестрорецким оружейным заводом на имя К. П. Иванова. С этим билетом В. И. Ленин скрывался от сыщиков Временного правительства.
- Стр. 68 — В. И. Ленин в Смольном в 1917 году (с картины М. Соколова).
- Стр. 69 — И. В. Сталин в 1917 году.
- Стр. 72 — Воззвание Военно-революционного комитета, написанное В. И. Лениным:
«К гражданам России. Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ, — немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, — это дело обеспечено. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»
- Стр. 73 — Декреты о мире и земле.
- Стр. 75 — Бегство с фронта в 1917 году.

- Стр. 76 — Парад рабоче-крестьянской Красной Армии в первые годы ее формирования.
- Стр. 77 — «Кольцо врагов Советской власти» (с плаката времен гражданской войны).
- Стр. 79 — Листовка о покушении на В. И. Ленина 30 августа 1918 года.
- Стр. 80 — Замороженный завод.
- Стр. 83 — В. И. Ленин (с картины А. Эберлинга).
- Стр. 85 — В. И. Ленин в Кремле (1920 год).
- Стр. 89 — Правительственное сообщение о смерти Ленина. 22 января 1924 года.
- Стр. 92 — Похоронная процессия на пути из Горок, где скончался В. И. Ленин.
- Стр. 95 — Бюст В. И. Ленина (со скульптуры Б. Королева).
- Стр. 97 — Траурный митинг в Самарканде в день похорон В. И. Ленина.
- Стр. 99 — У гроба В. И. Ленина.
- Стр. 101 — На Красной площади в Москве в день похорон В. И. Ленина.
- Стр. 103 — «Капитан Страны Советов ведет нас от победы к победе!» (с плаката Б. Ефимова).
- Стр. 106 — Москва, Мавзолей Ленина.
- Стр. 107 — В. И. Ленин (с картины А. Герасимова).
- Стр. 108 — Письмо И. В. Сталина, помещенное в «Рабочей газете» 21 января 1925 года.
-

Переплет худ. Ю. Сырцева

Для неполной средней и средней школы

Отв. редактор Е. Андриевский. Художник-редактор Вс. Лебедев. Подбор иллюстраций Ю. Слепня. Технич. редактор В. Никонова. Корректора М. Левицкий и Н. Кноже. Сдано в производство 8/III 1959 г. Подписано к печати 2/III 1959 г. Д-9. Детиздат № 186. Тираж 108.000 экз. Ленорлит № 1559. Заказ № 847. Формат 82×110¹/₃₂. 7 печ. л. (67840 тип. зн. в 1 бум. л.). У.-а. л. 6,15. Авт. л. 4,24 Бум. лист. 13¹/₄. 2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26. Бумага Вишерского бумкомбината.

Цена в переплете 1 р. 25 к.

200 =

Прим. 1963

~~28944~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И КНИГ
ДЕТГИЗА~~

